

84(2Рос=Рус)6
К М58

Дмитрий Мизгулин

*О ЧЕМ
ТРЕВОЖИЛАСЬ
ДУША*

Библиотека «Культура»

Дмитрий Мизгулин

О ЧЕМ ТРЕВОЖИЛАСЬ ДУША

Книга стихов

Очерк

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.

- 080561-2

Российский Межрегиональный
Союз писателей
Российское издательство «Культура»
Санкт-Петербург
2003

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

*Автор сердечно благодарит
Евгения Николаевича Бочкарёва
за помощь в издании этой книги.*

ББК 84. (Рос-Рус)6
К М58

Мизгулин Дмитрий

М57 О чем тревожилась душа. Стихотворения.
Очерк. — СПб.: РИК «Культура», 2003. —
160 с.

ISBN -5-348-41235-2

М 470030210-02 без объявл.
224(02)-002

Художественный редактор Е. Ахматова
Технический редактор Ал. Ахматов
Корректор О. Шабуня

© Мизгулин Д. 2003
© Грозовский В. Предисловие. 2003
© Ахматова Е. Оформление. 2003

СПАСИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

*Всякое дерево,
не приносяще плода доброго,
срубают и бросают в огонь.*

Мф. 7, 9

Всякое ли творчество способно дать плод, который бы оживил, отогрел, покрыл теплом сумрачную и греховную душу современного человека? Ответ однозначный: не всякое.

Поэзия — акт творческий и, безусловно, результат этого акта — плод духовный. Но не всякий плод на вид и на вкус привлекателен и съедобен — можно и отравиться. Священное Писание прямо говорит о «садовниках» (творческих): «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 20). С одним из таких садовников я познакомился несколько лет тому назад в одной из поездок по солнечной Италии. Это автор книги «О чем тревожилась душа» Димитрий Мизгулин.

Так о чем же он тревожится и чего желает людям и себе?

*...Пусть теплота Святого Духа
На нас сердешных снизойдет...*

Поэт понимает, что без Божией благодати невозможно никакое спасительное творчество.

Болью отзываясь в его сердце нравственное состояние современного общества, хотя поэт и не обольщается прошлым:

*...Не всякий знал и в те года
К Любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.*

Автор книги размышляет: доколе же общество будет находиться в духовной слепоте? И делает вывод:

*...И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы как на икону
Взираем на цветной экран.*

В чем же причина духовного дисбаланса? По мнению поэта — не слышим голоса Творца:

*Нынче чародеев, звездочетов
Слушаем, как будто бы святых,
Всё гордимся точностью расчетов,
А бредем, как сонмище слепых.*

Конечно, не только невежественный в религиозном отношении народ — кузнец своего счастья, но и его учителя имеют, мягко говоря, невнятное представление о людском благе:

*Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога.*

Димитрий Мизгулин — тонкий, чуткий и наблюдательный поэт, с хорошим вкусом и мягким чувством юмора. Он не кичится своим талантом, не стремится ко всяким замысловатостям и поэтическим трюкам, не сражает наповал читателя, не парализует ум и воображение модной архитектурной стиха, а, наоборот, предлагает нам себя как друг, как брат, готовый поделиться тем теплом и отзывчивостью, которые благословил ему Господь.

Автор сожалеет о том, что, увлекаясь прогрессом, мы делаем ставку на него, забывая о том, что никакое изобилие материальных благ и расцвет науки еще не сделали человечество по-настоящему счастливым:

*И летит всемирный наш экспресс,
И гремит железная дорога,
И уносит дальше нас прогресс
От природы,*

от Любви,

от Бога.

Но нет безысходности в стихах поэта Димитрия Мизгулина. Наоборот, они вселяют в нас надежду на возгорание в душах наших того благодатного Огня, который подобен иерусалимскому, ежегодно сходящему с Небес на свечу православного архиерея в Великую Субботу накануне Святой Пасхи:

Смахну безпамятства слезу

*Тяжелою рукой,
Домой с Афона привезу
Молитву и покой.*

(«Афон»).

Автор книги не замыкает свою поэтическую душу в рамки своего собственного воображения и таланта, но и насыщает ее теми благодатными Дарами, которые ниспосылает Господь православным христианам в церковных Таинствах. Он также совершает паломнические поездки по Святым местам, и маршруты их самые разные: это и Святой град Иерусалим, и вечный город Рим, и многочисленные монастыри нашей необъятной Родины, ныне восстающие, как птица Феникс из пепла, и, наконец, святая гора Афон. Греция. Предлагаемый читателю очерк «Под покровом Игуменьи горы афонской» знакомит нас с православной Грецией и, в частности, с Небом на земле — Афоном. Зоркий глаз очеркиста Дмитрия Мизгулина фокусирует наше внимание на религиозно-историческом аспекте описания паломничества.

Это лишь краткое вступление к книге Дмитрия Мизгулина, который живет и трудится в Хантымансийске.

Дорогой читатель, Вы держите в руках плод долгих размышлений автора о Боге и человеке, о разных дорогах и тропинках, по которым бредет человеческая душа, и единственном пути, ведущем к Истине. Это плод добрый. Вкусите его.

19.06.2002 г.

*Клирик Князь-Владимирского собора,
что в Санкт-Петербурге,
протоиерей Виктор Грозовский*

I.
ЗВЕЗДЫ ДАЛЕКОЙ
СВЕТ

Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как непрощенная вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе — годы или дни?
Расплата ждет неумолимо —
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идет...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдет...

Кружась во всемирном потоке,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А все обернулось иначе —
В привычной сумятице дней
Богатые — стали богаче,
А бедные — стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе —
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болит у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит неспеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней все огнем опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы — читай, внимая,
Но, вещей слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу — я еще не глух, —
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

Так повелось уж на Руси —
В года напасти
Молились: Господи, прости,
Ругали власти

И ждали доброго царя,
И ждали чуда.
И ждал, огнем греха горя,
Свой час Иуда.

И поднимался супостат,
Стущались тучи,
Но все молили — стар и млад —
О жизни лучшей.

Теперь иные времена,
Но те же нравы.
Опять низвергнута страна
В канун кровавый,

Опять надежда и тщета,
И безземелье.

В домах и душах — нищета,
В башках — похмелье.

И в бездну тысяча чертей
Россию тащат...
Но раньше все-таки детей
Рожали чаще,

И так же пусть гремит гроза,
Но утром рано
Мерцали в доме образа,
А не экраны,

Не всякий знал и в те года
К Любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетемся впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах,

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь,
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь все, что в душе накипело,
Давно исцелил бы Господь
Когда бы не брненное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженья лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

И снова март. И снова слякоть.
И снова все наоборот.
И будет тощий диктор вякать,
Что все когда-нибудь пройдет.

И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы как на икону
Взираем на цветной экран.

OK

Handwritten notes in Cyrillic script, including the word "Храм" (Church) and "деревянный" (wooden).

—1875—

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Все ждем. А надо бы спешить.
Немного нам Господь отмерил.
Открылись нам в рассветной мгле
Врата небесного чертога...
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

- 080561-2

Не понять нам теперь, все одно,
Величавость прошедших времен.
Только смутно доносит кино
Шорох платьев и шелест знамен.

Книга дрогнет в усталой руке,
И мечтаний рассеется дым —
Мы на разном совсем языке
Пишем, думаем и говорим...

Но как прежде — лепечет листва
Так же птицы поют по утрам,
И все те же молитвы слова
Наполняют предпраздничный храм,

Не коверкай эпохи итог,
Удержись на крутом вираже,
Ведь покуда природа и Бог
Одичать не позволят душе.

Он шел толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, вошел в собор,
Прикрыв тяжелые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред Образом Христа
И опустил на колени.

Кто был он — мытарь или вор?
Просил прощения? Покоя?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но все же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал — душа
Затеплилась на пепелище.

Так, превознемогая тьму,
Он утолил свои печали.
И нищие вослед ему:
«Храни Господь тебя!» — кричали.

В рыбах есть что-то змеиное,
В людях есть что-то звериное,
Что-то расчетливо-склочное,
Неуловимо порочное,
Злобное и осторожное,
Неистребимо безбожное.

Всё учились на чужих примерах,
Как прожить легко и неспеша.
Ни любовью светлую, ни верой —
Суею наполнилась душа.

Метили в Америки, в Европы,
Только не для нас был званый пир.
Нынче лотереи, гороскопы
Составляют наш духовный мир,

Нынче чародеев, звездочетов
Слушаем, как будто бы святых.
Всё гордились точностью расчетов,
А бредем, как сонмище слепых.

Ни стыда не ведая, ни срама,
С просьбами о счастье на устах,
Всё толчемся в православных храмах,
Словно бы в присутственных местах.

Зачем летали на Луну,
Чего искали?
А всю огромную страну
За ночь проспали.

А всё пытались обличить
Отсталость века...
Не можем даже грипп лечить
У человека.

И с отречением спеша —
Глухи и громки...
А что душа? А что душа?
Душа — потемки.

Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога...

Куда кого тягать силком,
Никто не знает.
Свеча под глиняным горшком
Едва мерцает.

Когда-нибудь настанет час
И неизбежное случится,
И вот надежды тонкий пласт
Под ветром страха истончится,

И вот сомнение мое
Сквозь камень знаний прорастает,
И верится, что бытиё
Сознание определяет.

И вот приходит новый век,
А вместо Библии — экраны...
И верится, что человек
Произошел от обезьяны.

Крыла беды раскинет ночь,
И пустота в родных могилах.
Чем я могу тебе помочь?
Я сам себе помочь не в силах.

На счастье или на беду
Господь послал такую участь.
Лесной дорогою иду,
О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птичьи голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Забывтый скит. Притихший лес,
Где тишина развеет тугу.
Где только деревянный крест
Хранит безмолвную округу.

Жизнь — работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

О земном суетясь и скорбя,
Не заметишь, как сердце остынет.
Хоть мгновенье оставь для себя
В мире зависти, скорби, гордыни.

Но отсчитаны сроки уже,
Бестолково петляет дорога.
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

Гордились долго — чужь и водь —
А вот уж в Космос полетели...
Лишил нас разума Господь,
И мы как листья облетели.
Что толку — царь ты или князь,
Хрустят обманчивые льдинки,
И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...

Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в дому твоём достаток,
А всё вокруг — один упадок,
Во всем вокруг — один обман.

И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Поземкой стылой по дороге...

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое —
Не попадись в позорный плен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира,
Держись подальше от кумира,
На чьих устах смертельный тлен.

Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде
Пусть даже если ты спортсмен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся не забыть о главном
И сделай из железа ставни —
Не создавай себе проблем.

Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,

Молись — и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...

И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой —
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

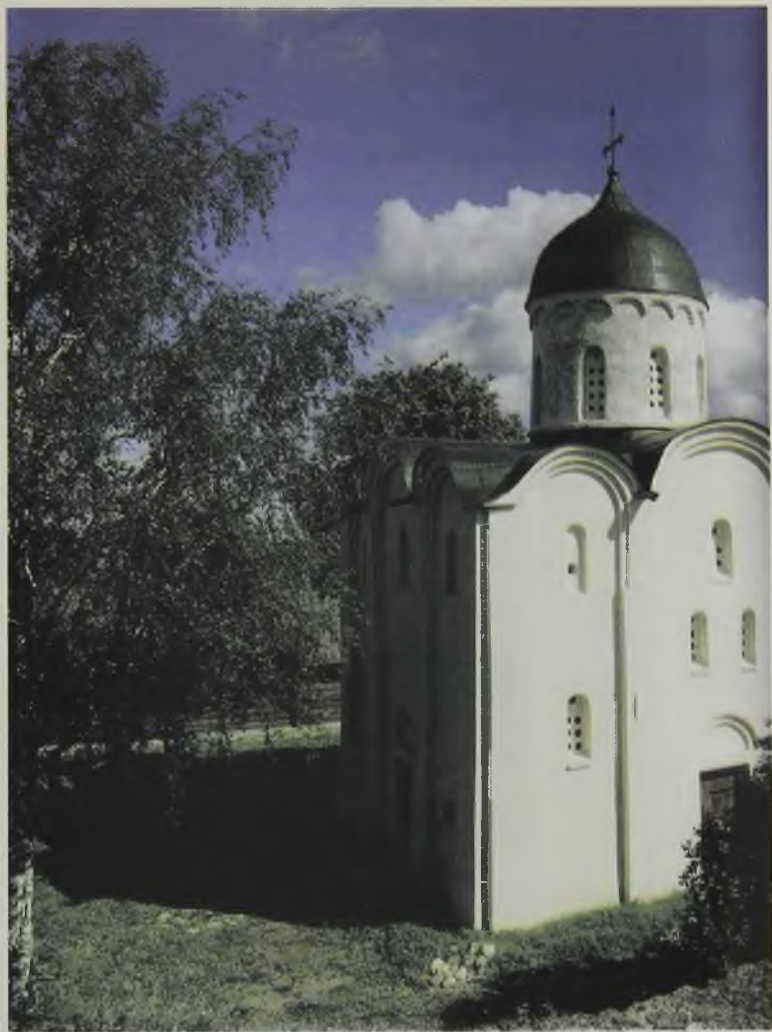
Долгий год. Тяжелые утраты
На счету у каждого из нас.
Родина, великая когда-то,
Стала хуже нищенки сейчас.
Сын ее, румяный и пригожий,
Весело по улице идет,
Для нее, болезной, медный грошик
В импортном кармане не найдет.

Мы хороших не ждем новостей,
Катастроф стало больше, пожаров.
Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, — побольше, чем прежде.
И синеет сомнений печать
На еще не окрепшей надежде.

В церковь ходим и крестим лбы.
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы,
Непонятной ее круговерти.

От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...

И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетет нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

Словно из болотного тумана
Проступает странный силуэт —
Телевизионного экрана
Бледно-голубой, чадающий свет.

В век духовной суеты и стресса
Видим электрические сны,
В путях пресловутого прогресса,
Словно бы в цепях у сатаны.

А и то сказать — живем неплохо.
Техника вокруг — как ни крути...
Далеко продвинулась эпоха,
Дальше просто некуда идти.

Вокруг такая суета,
Что не смешно уже, а больно,
И пройдена давно черта,
И поздно говорить — довольно,

И не тверди о том, что все...
Что всё начертано судьбою,
Настанет час — во всей «красе»
Предстанет дьявол пред тобою.

И если дрогнешь — всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

И снова ваш спор о судьбе...
Но вязки земные дороги.
Что толку в пустой ворожке,
Коль нету ни слова о Боге.

Чего же хотите тогда,
Какого такого порядка?
Весь мир заливают вода
Неверия. Всё без остатка.

Сотрет ускользящий век
Последние вехи и грани:
Кто к Ною взойдет на ковчег,
Кому подвернется «Титаник».

Опутано ложью полмира.
Не вырваться нам из цепей.
Все больше и больше кумиров
У Родины бедной моей.

О, сколько предсказано сроков!
Тускнеет звезда на челе...
Все больше и больше пророков
Идет по бесплодной земле.

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголют!
О, как они сладко поют!

Камней раскидали мы груды.
Поди их теперь собери!..
Но снова толкуют Иуды
Про отблески новой зари...

Я бред этот слушать не стану.
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Как скромный, но знающий зритель
Молчу — и на мне есть вина, —
Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Наладится жизнь понемножку.
Вернется державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Давно уж ни во что не веря,
Как будто в беспросветном сне,
Живем давно под знаком зверя
В своей нетопленной стране.

Огней неоновых свеченье,
Машин урчащих суета...
О, только б слово отреченья
Не осквернило бы уста!

Замызганы фасады зданий,
И птицы в поисках тепла...
Молю, чтоб тяжесть испытаний
Посильной ношею была.

❖

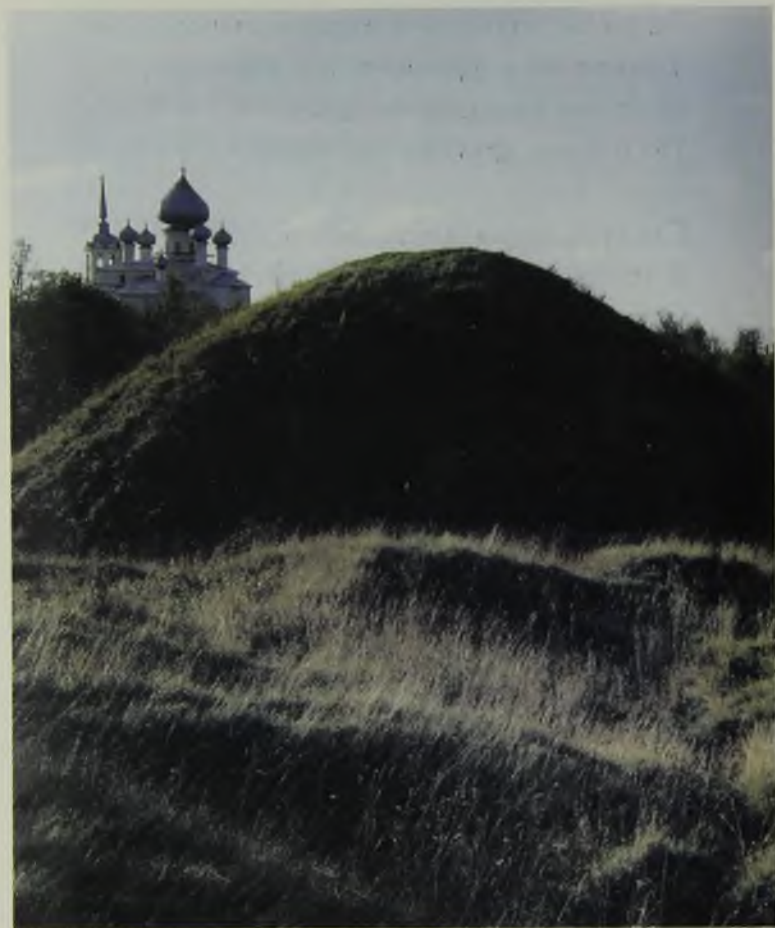
СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчемным
Любой серьезный разговор.

Что наши страсти и сомненья,
Пустопорожные слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

Вновь вернулись в первобытный век,
Только не с дубиной, а с ракетой.
И опять гвоздает человек
По башке другого человека.

Состраданию места нет в душе.
В телевизионной круговерти
Сто смертей пересмотрев уже,
Мой сосед закусывает смертью.

Снова наливает, и опять
Он во власти смутного экрана,
Ведь чужое горе принимать
Близко к сердцу, согласитесь, странно.

Ни судить, ни спорить не берусь.
И давно уже не жду ответа.
Где твой Бог, моя родная Русь,
Где твой Бог, родимая планета?

И летит всемирный наш экспресс.
И гремит железная дорога.
И уносит дальше нас прогресс
От природы.

От любви.

От Бога.

❦

СВЕЧА

Пусть опять все пойдет вверх дном,
Пусть оставит меня удача,
Опустеет родимый дом,
И судьба повернется иначе.

Не заплачу, не закричу,
Из души не вырвется стона,
У иконы поставлю свечу,
Отобью три земных поклона...

Я порою судил сторяча,
Упивался своей гордыней,
Всё искупит моя свеча,
Все сомненья мои отринет.

Ни разлук не боюсь, ни измен,
Я сто раз начинал сначала,
В зыбком мареве перемен
Только вера меня спасала.

Как бы ни было тяжело,
Посреди вселенского срама
Я в душе сохраню тепло
Тишины опустевшего храма.

Пусть мерцает в мирской ночи
Тусклый отблеск моей свечи.

Весной обычно спится плохо.
И беспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха,
Скрипит Земля на вираже.

А мне твердят, что невралгия...
Поменьше есть, поменьше пить.
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сгорит душа.

Объял планету адский пламень,
Кругом беда. Кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы
Как бы от третьего лица.

В суете уходящего века
Вдруг очнешься от тщетных забот —
Не забыл ли Господь человека
Да и весь человеческий род?

С нами надо, конечно, поостроже,
Ведь давно, в суете мельтеша,
Позабыло творение Божье
Место, где обитала душа.

Всё торопимся: делаем дело,
В пустословье коверкая речь,
Что там душу — и бренное тело
Не умеем от скверны сберечь.

Свято веруем — всё будет лучше.
И скользим невозвратно ко дну.
Ох, как близко, Господь всемогущий,
Подпускаешь Ты к нам сатану.

В круговерти, заверченной бесом,
Не встречаем родного лица,
Всё бежим по дороге прогресса,
А дороге не видно конца...

*...Весь мир представляет собой одну комнату,
точнее, один огромный вагон
в межзвездных сферах — для курящих.*
архиеп. Иоанн Шаховской

К комфорту привыкла Европа.
Скользит, как по волнам, вагон,
Но в час предстоящий потопа
Наряд ли нас вынесет он.

Сосед мой свою сигарету
Докуривает неспеша.
Пока не призвали к ответу —
Не дрогнет в сомненьях душа.

В эпоху грядущего хама
Смири выраженья лица
И, сидя под сводами храма,
По книжке проси у Творца.

А мир, как вагон для курящих,
Растает неслышно во мгле,
Помилуй нас Боже, пропащих,
Продляя наш путь на земле.

Свадьбы. Дни рождения. Крестины...
Так привычно начинался путь.
Нынче лишь одни сороковины
Не давали мне передохнуть.

У часовни новой на кладбище
Сколько раз за этот год стою.
Провожая тихо, словно нищий,
Скорбным взглядом молодость свою.

Вот друзьям моим приходят сроки.
День грядущий не видать во мгле.
Годы скуки, склоки и мороки
Клонят ниже к матушке-земле.

Все смешалось — счастье и невзгоды,
За туманной гранью бытия
В зеркале изменчивой природы
Сам себя узнаю вряд ли я...

Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от долгих мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг,

Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести...

В такие дни не хочется писать,
В такие времена бессильно слово,
И не найти занятия другого,
Как только безучастно наблюдать...
В такие дни сомнений и тревог
Когда кипит невидимая битва,
Пусть душу укрепит мою молитва,
И да спасет нас милосердный Бог!

Под утро — снег. Застыли лужи.
Спешат прохожие в метро.
Блажен, кто никогда не тужит,
Случайно делая добро,

Обид не чувствуя усталость,
Чужих не слушая речей,
Осознает простую малость,
Что он лишь Божий, и — ничей,

Кто просто так, как эта ива,
Живет, не ведая тоски,
Склоняя выю терпеливо
Перед течением реки.

Не включай телевизор, не надо,
Хоть мгновенье побудь в тишине.
Меж ветвей опустевшего сада
Тихо звезды плывут в вышине.

Не включай телевизор, не стоит
Видеть этот вселенский бардак,
Где мечтает весь мир перестроить
Каждый третий ученый дурак.

Не включай телевизор, послушай
Шум листвы и шептанье воды.
Воздух майский немного лучше
Испарений партийной среды.

Не включай телевизор, не трогай,
Молча пусть этот ящик стоит.
И дыханье свободы и Бога
На мгновенье тебя посетит.

Предвижу скорую разлуку,
Но счастием не дорожу.
Меняю суету на скуку,
По саду летнему брожу,

Листаю памяти страницы,
Вдыхаю снежный дух хвой,
И желтогрудые синицы
Щебечут словно соловьи...

Здесь тишиной меня подлечат,
И, одиночеством томим,
Пойду опять судьбе навстречу,
Твоей молитвою храним.

❧ ❧ ❧

В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Господь определит судьбу:
Кто — в адмиралы, кто — в поэты.
Ему — разглядывать в трубу
Чужие звезды и планеты.

Трудился много лет подряд
И познавал устройство мира...
И небо всё твое. И сад,
И эта тесная квартира,

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста —
Жизнь прожил — мухи не обидел,

Тускнеют, ослабев, глаза,
И плечи сторбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

Жить хотелось бы получше,
Не меняя ничего.
Всё надеемся на случай,
На удачу — как в кино,

С замираньем из столицы
Ждем дурацких новостей,
Свято верим в небылицы,
Ждем неведомых гостей,

Ходим в храмы. Ставим свечи.
Ждем спасительных идей,
Слушаем пустые речи
Распустившихся вождей,

О земном мечтая рае,
Ищем следствий и причин.
Потихоньку вымираем,
Понимающе молчим.

Не ощущаем, как когда-то,
Во всем — присутствие Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живем в предверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи
И, слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждем заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

∞ ♦ ∞

ДУХОВ ДЕНЬ

Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнется тревога змеею —
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землею.

Жизнь промчится — исполнится срок,
Будет имя твое позабыто
И развеется прах и песок
И от мрамора, и от гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа,
Вот о ней-то подумать и надо.

На разочарования — плюнь.
Жизнь проходит — и что тут такого...
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День сошествия Духа Святого.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

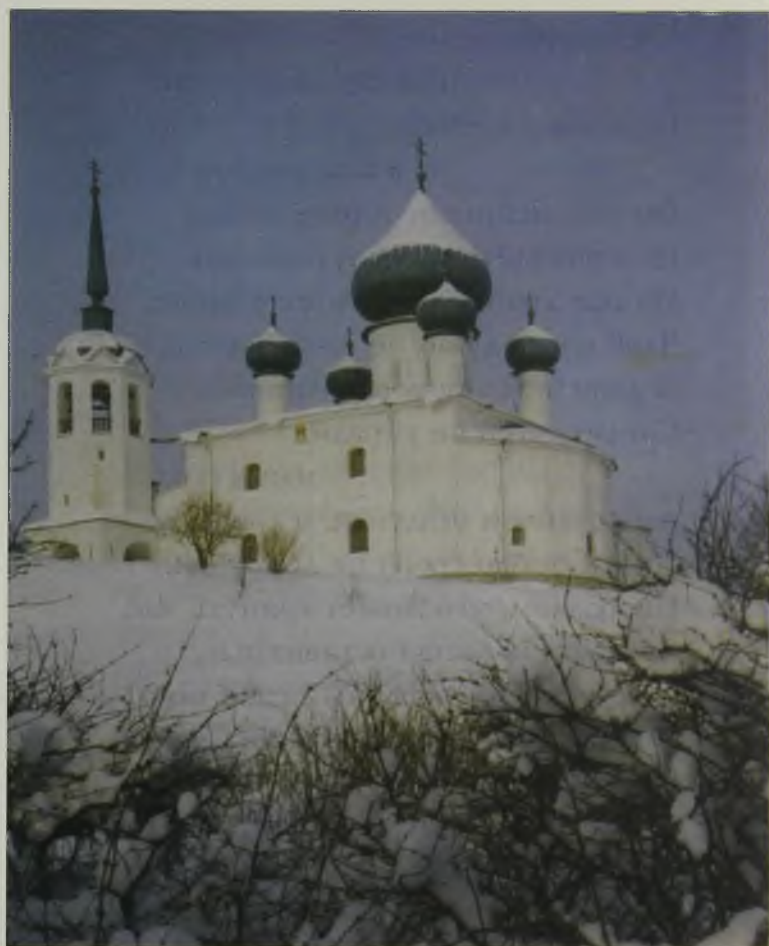
Со дня рожденья
и по смертный час
Приставлен ангел
к каждому из нас.

Он нас хранит от горя и от бед
На протяжении беспутных лет.
Он нас хранит и молится с небес,
Чтоб наши души не похитил бес,
И даже под покровом тишины
Следит, чтоб не украли
наши сны...

А мы живем бездумно и грешим,
И вечностью своей не дорожим,
Не думаем, что может грянуть час,
Когда он навсегда оставит нас.
Покинув утомительный свой пост,
Он воспарит среди погасших звезд.
Взметнутся два
спасительных крыла,
И навсегда тебя ослепит мгла.

WINTERWUNDERLAND

ЗИМА

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.

Прозрачны промерзшие дали,
И видится так далеко,
И осени хмурой печали
Развеялись утром легко.

Не так ли, в сомненьях запутан,
Нисходишь во мрак не спеша,
Но вдруг в роковые минуты
Становится зрячей душа.

От Волхова до Иртыша
Летела в сумерках душа
Среди промерзших облаков,
Освободившись от оков
Земной тревожной суеты,
И звезд хрустальные цветы
Звенели в лунной тишине,
И было одиноко мне
Без быта и без бытия...
Как невесома жизнь моя,
И тает вереница дней
В мерцанье бортовых огней.

А в Лондоне под Рождество
Пылают жаркие каминьы,
И виски с пивом пьют мужчины,
Сигарой тешат естество.

Газонов майский изумруд,
Здесь в декабре цветут фиалки...
Прогулки по утрам в Гайд-парке
Пешком. По сорок пять минут.

С подарками народ спешит
Домой. А я неторопливо
Сижусь с огромной кружкой пива,
Смотрю на роскошь Regent street.

Величие и простота.
И храмов Божьих пустота.

В Лондоне, конечно,
жить неплохо.

Жизнь кипит повсюду до зари.
Многоликий и веселый Сохо
Яркие развесил фонари.

В декабре не нужен
здесь и свитер,
Но, кичась величием своим,
Все померзли б, если бы на Питер
Развернулся
сказочный Гольфстрим.

А в моем Отечестве тоскливо,
Ничего хорошего не ждем.
Только бабки да крутая ксива,
Только сумрак,
только снег с дождем.

Заржавели грозные ракеты.
Продан флот. Зажарен соловей.

Но гордиться буду и балетом,
Думая о Родине своей.

Нет в душе ни боли,
ни злорадства.

Не злоблюсь и мести не таю...

Помолюсь

в Вестминстерском аббатстве
За Россию бедную мою.

Эпоха грядущего хама
Настойчиво ломится в дверь.
Укройся под сводами храма
От будущих бед и потерь.

Догонит лукавый и дышит
В затылок. Но ты не робей.
Молись — и Спаситель услышит,
Сомненья и страхи развей.

Покайся — и душу отпустит.
Во мраке развеется бес,
И с легкой, неведомой грустью
Душа воспарит до небес.

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют.
Меняем на марки и баксы
Души перевозанный уют.

Но, как ни крути, на кладбище
Тебя все равно понесут.
Богатый ты будешь иль нищий —
Предстанешь на Божеский суд.

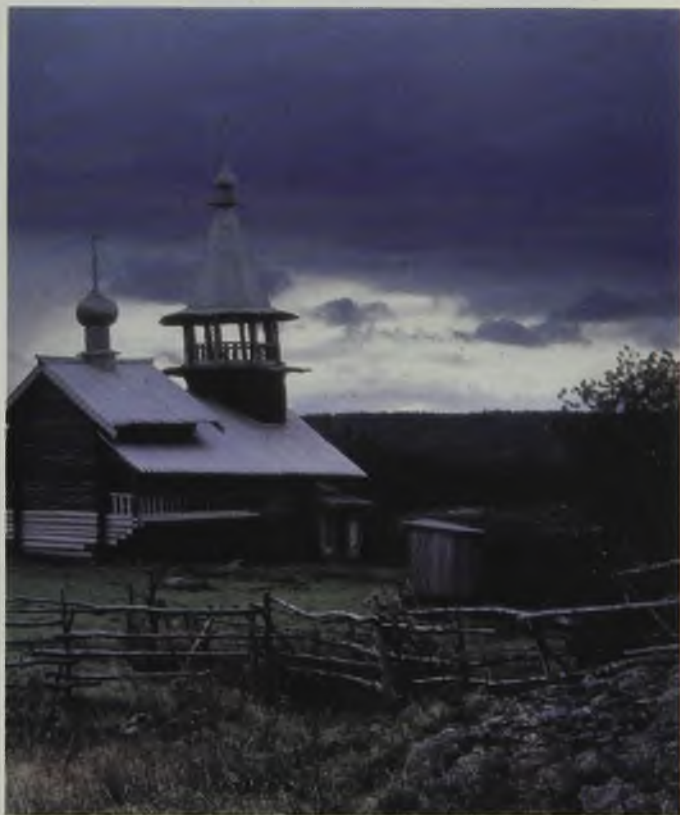
И поздно поймешь, что не зритель,
Что это уже не кино,
И будет бесстрастным Спаситель,
И яростным будет вино.

Телевизионным пророкам
Ты снова поверить готов...
Что ж, верь предсказателям сроков,
Люби толкователей снов.

Мерцает во мраке планета.
И звезды, как свечи, горят.
И в цепких сетях интернета
Блуждает душа наугад.

II. ПОЗАБЫТЫЙ ПОГОСТ

❧ ❧ ❧

КИТЕЖ-ГРАД

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Над тобою сомкнулись воды,
И протяжные хороводы
Над тобою чайки кружат...
Где ты, где ты, мой Китеж-град?

А в полнеба — полночный свет
Звезд далеких, иных планет,
Неизведанных и нетленных.
Подо мною — вода и дно.
А потом опять всё одно —
Бесконечная даль Вселенной.

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Я раздумьям своим не рад.
Лишь сомкну воспаленные веки —
Заклубив куполов пожар,
Опускаешься в Светлояр,
Поднимаясь над миром навеки...

Но поднимутся ль из воды
Купола твои и сады,
Переполненные плодами?
Может, не было их и нет?
Но струится лазурный свет
В небесах высоко над нами.

Все пройдет и развеется в прах.
Все сторит на твоих кострах.
И неведомый миг настанет —
И окончится долгий плен,
И навязанных истин тлен
В вечность канет...

А пока — на полнеба луна,
Да качает лодку волна,
Да уключина тихо скрипнет.
И кругом на сто верст — тишина.
И в молчании — леса стена,
Только птица ночная вскрикнет.

РАЗДУМЬЯ В СТЕПИ

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства,
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним,
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним;
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдешь едва
Огнем нетронутого града,
А сколько раз была Москва
Сожженной в битвах и осадах?..

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые...

Очнись от набежавших дум,
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Все мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльной дорогой.

THE GREAT LAKES REGION OF CANADA

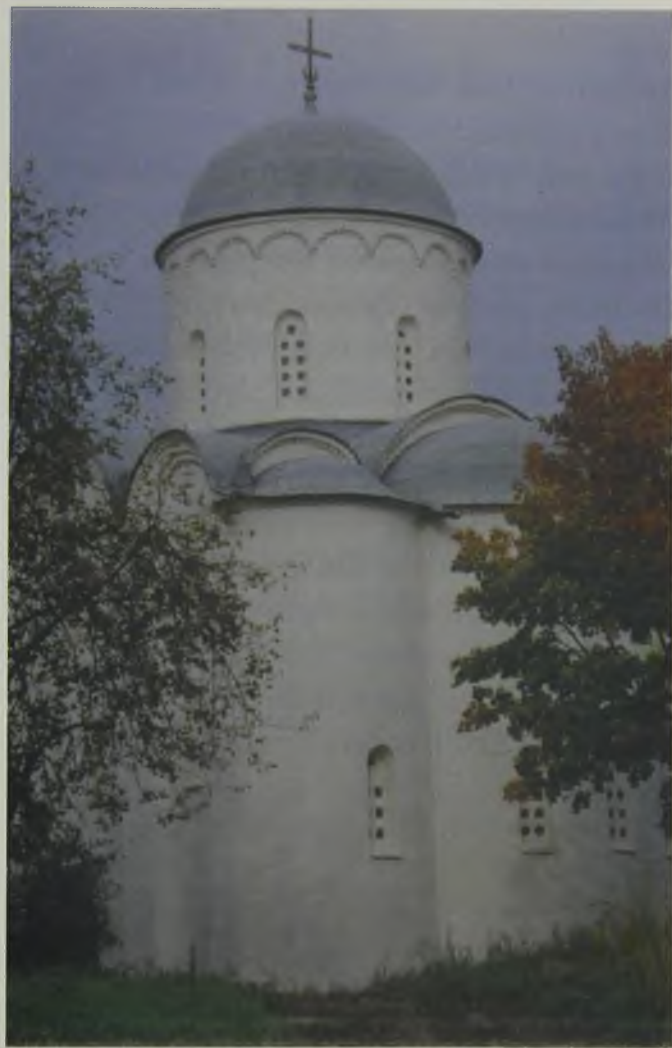
ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

Тесно стало на кладбищах русских.
Громоздятся тяжелые плиты,
И проходы немислимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.
Ну, а рядом грохочет дорога,
Деловито и невозмутимо.
И, забытые чертом и богом,
Изменяемся неуловимо.
Нет мгновенья, чтоб скорбно и тихо
Постоять у родимой могилы.
И гремящее, грозное лихо
Забирает последние силы:
Чтобы чувства и глуше, и тише,
Чтоб душа не томилась в тревоге,
Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги.

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви черный силуэт,
А в небесах, под сводом мироздания,
Далеких звезд лампадный, тусклый свет,
И на сто верст — ни недруга, ни друга.
И на сто верст — глухая тишина,
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжелая луна.
И сколько мне еще в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

Посев взойдет на вспаханной земле,
Дождем обильно политой и потом.
О, будь благословенною, работа
Под знойным солнцем и в рассветной мгле.

О, будь благословенен вечный труд
На ниве, где заколосятся всходы
Добра, познаний светлых и свободы,
Которые потомки соберут.

Но где зерно случайно попадет
Или в песок, или во чисто поле,
Оно случайным знаком прорастет,
Или умрет томящимся в неволе.

Умрет или останется одно
Средь сорных трав взошедшее зерно.

Время пришло собирать камни.
Кто даст ответ,
Что из них строить?
Храм ли воздвигнуть
Белоколонный
Или тюрьму понадежней?
Тот, кто изрек, что пора настала,
Так давно говорил об этом...
Сколько с тех пор разрушено храмов?
Сколько с тех пор построено тюрем?
И не тверди — только Богу известно...
Время прошло разбрасывать камни.
Время пришло собирать камни.
Только камней не осталось.

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе...

Много время с собой унесло,
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было — быльем поросло,
И еще не распахано поле,

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы не было поздно.

Вон, темнеют в ночи облака,
И тускнеют высокие звезды.

И змеится ковыльно былье,
Бездна мрачно зияет над нами.
И кружит, и кружит воронье
Над мерцающими куполами.

Страдай, страдай, душа моя,
Пусть мы не властны над судьбою —
Неотвратимость бытия
Пока не властна над тобою.
Как птица, раненная влет,
Над заповедными долами
Лети, спасение мое,
С окровавленными крылами...

ЖДАЛ

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли.
А ветры в желтеющем поле
С утра затянули псалмы.
Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,
О птицах, что к югу летели.
О птицах, что к югу летят...

А все-таки спеши, спеши,
Пусть даже ошибаясь снова,
Всю боль мятущейся души
Вложить в трепещущее слово!
Когда молчания печать
Твои уста сомкнет навечно,
Ему — звенеть, ему — звучать,
То дерзновенно, то беспечно.
Но, покорясь своей судьбе,
Не ожидай вознагражденья:
Нет ни спасения тебе,
Ни состраданья, ни прощенья,
Сомнений чашу ты испил,
И не тверди молитв упрямо.
Ведь все равно не хватит сил
Изгнать торгующих из храма.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Войду, как в храм, в сквозящий березняк.
Уже светает. Предрассветный мрак
Стремится ввысь, светлея, исчезает.
Туман прозрачный, истончаясь, тает.
И золотые блестки там и тут,
И светится лиственный изумруд.
Еще не слышны птичьи голоса.
Вот озеро, в котором небеса
Отобразились. Я склонюсь к воде
И не увижу своего лица...

В ночь перед Рождеством
Звезды, тускнея, тают,
И фонари мерцают
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Улицы опустели.
Окна заиндевели
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Снега выпало много,
И унялась тревога
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Время неторопливо.
Хочется стать счастливым
В ночь перед Рождеством.

В ХРАМЕ ФЕДОРА СТРАТИЛАТА

Все спешим и спешим куда-то.
Судим яростно, сгоряча.
В храме Федора Стратилата
Одиноко стоит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы
От холмов Герклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развеясь, тает.
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на нас взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С Древним Миром теряю связь.

Что нам время и что законы,
Если все мирозданье — миг?
Но мерцает с тусклой иконы
Просветленный, священный лик.

Снег летит не спеша и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь —

Как не рвись, торжествуя и мучась,
В мир — от паперти до луны —
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо вплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученье огней дрожащих
И замерзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Нежно в небе мерцают звезды,
Ярко в окнах огни горят,

Все на свете — смешно и тленно.
Только все же зябнет душа.
Переулок Кривоколенный
Поворачивает неспеша.

Над храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи.
И нива бескрайняя хлеба
Скрывала канавы, межи...

А нынче — цветы иван-чая,
Да плесень на стенах пустых...
И вспомнилось мне не случайно
О первых российских святых.

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Под сенью Святого Покрова
Немало пришлось пережить,
Чтоб Сергей на битву сурово
Мог воинство благословить...

А с храма Бориса и Глеба
Сорвали кресты с куполов,
А в поле, забывшем о хлебе, —
Колосья бетонных столбов...

Быть может не прав я, не скрою,
Но я не оглох, не ослеп.
О, как же мне горек порою
Давно не отеческий хлеб!

Спасемся ли только любовью?
Отверзнутся ль нам небеса?
Россия, умытая кровью,
Еще не открыла глаза.

Как много слов мы говорим подчас,
И думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещей Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове потеряли.

Не слушая друг друга, все кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти молчат,
А им, поверь мне, многое известно.

Места для боли в душе не осталось.
Пламя пожара в душе отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отчество. Было — и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.

Солнце светило. А нынче — не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит —
Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнется земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

Не дай-то Бог случится
Ненастная пора,
Январский ветер злится
И воеет до утра.

Когда закружит вьюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.

Когда в душе тревога,
Отчаянья стена,
Когда уже дорога
Совсем заметена,

Когда луна сурова,
Когда глухая ночь,
Когда не сможет Слово
Тебе ничем помочь.

П. Кириченко

Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина, тишина.
Ох, шальная беда
Поголяла окрест:
Коммунисту — звезда,
Православному — крест.
Сколько бурь, сколько битв —
Стыли реки в крови.
Сколько страстных молитв
Да бессильной любви!
Угасали глаза
И морщинились лбы,
И стекала слеза
В окоемы судьбы.
Чуть дымится во мгле
Мир загадочных звезд.

Только в этой земле
В человеческий рост
Всем достаточно мест,
Все равны навсегда:
Православному — крест,
Коммунисту — звезда.
Позабывтый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина...

III.
ПОД ПОКРОВОМ ИГУМЭНЬИ
ГОРЫ АФОНСКОЙ

АФОН

Молитвы тихие слова
И колокольный звон,
И доносящийся едва
Чуть слышимый шелест волн.

Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках — монастыри
Как продолженье гор.

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад,
Один завет, один закон,
Но сотни лет подряд.

Смахну беспамятства слезу
Тяжелой рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой,

*Я на мгновенье был спасен
В невежестве своем,
В туманной дымке вознесен
Над смрадным бытием,*

*Извечной мудрости ответ
Получен мной уже.
Он, как звезды далекой свет,
Чуть теплится в душе.*

1. СОЛУНЬ

Самолет, описав плавный полукруг над сверкающим под жарким июньским солнцем морем, пошел на снижение... Салоники. Фессалоники. Солунь.

Для кого-то, сидящего рядом — отправная точка путешествия в отель на побережье, для нас с отцом Виктором — начало путешествия к святыням Афона.

Православная Греция. Многие считают, что именно отсюда началось триумфальное шествие христианства по Европе. Ведь именно здесь апостол Павел во время своего второго путешествия пламенно проповедовал о Христе Иисусе. «Пройдя через Амфиполь и Аполонику, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний» (Деяния, 17). Жителям города апостол Павел посвятил два «Послания к Фессалоникийцам».

На выходе из аэропорта — длинная очередь в паспортный контроль. Наши соотечественники что-то бурно обсуждают, толкаются, словно боятся опоздать, хотя наверняка знают,

что туристические автобусы вряд ли уедут, не дождавшись пассажиров, обозначенных в многочисленных списках. Вот наконец-то и наша очередь.

Мы проходим последними. Таможенник внимательно изучает наши визы — там отмечено, что мы прибыли по приглашению архимандрита Прокопия, секретаря иностранной комиссии синода Греческой церкви. Привычно ставит штампель и, отдав паспорта, улыбнувшись, приветливо машет рукой. В добрый путь. Мы в Греции.

Город, основанный в 315 году до н. э., назван предположительно по имени сестры Александра Македонского Тессалоники, издавна был цветущим торговым центром, еще при римлянах он стал столицей провинции Македония, ныне же он является административным центром одноименной провинции Греции. В современных Салониках на первый взгляд почти ничего не напоминает о былых временах, римские руины и древние стены теряются в бетонных стандартных нагромождениях 50—60-х годов.

Для русского человека Салоники связаны с именами известных святых Дмитрия Солун-

ского, а также Кирилла и Мефодия, основателей славянской письменности. Храм св. Димитрия — главная святыня Салоник.

Димитрий Солунский был назначен царем Максимианом воеводой Солуни после смерти своего отца, бывшего ранее правителем этой области. Приняв назначение, Димитрий «тотчас же перед всеми начал исповедывать и прославлять Господа нашего Иисуса Христа, он всех поучал заповедями Христовыми, обращал язычников ко святой вере, и искоренял скверное многобожие, словом, он был для Солунян вторым апостолом Павлом» (Жития, кн. 2, с. 563). Разгневанный император заточил праведника в темницу. 26 октября Димитрий, пронзенный копьями стражников во время молитвы, принял мученическую смерть. В V веке на месте казни Великомученика солуняне поставили церковь, которая ныне является главной святыней Салоник. Св. Димитрий почитается как небесный покровитель Салоник, в русской же традиции — как покровитель миролюбивого воинства.

Интересно, что именно 26 октября (8 ноября), в Димитриев день, в 1912 году греческие

войска освободили Салоники от турок, покончив с многолетним господством Османской империи.

Современный облик собора сформирован в 1948 году, однако многое осталось с древних времен. Так, под современным зданием остался подземный храм с остатками римских бань, где был казнен святой. Над местом, где принял смерть святой, в X веке установили мраморный киворий.

Народу в храме немного. Доступ к мощам, заключенным в золотую, богато инкрустированную раку, увенчанную митрой, открыт. Можно спокойно помолиться, приложиться к мощам, сфотографироваться...

В следующий день нашего путешествия мы с о. Виктором присоединились к компании москвичей — о. Г. и о. И. из Подмосковья и сопровождавших их молодых людей. В предместьях Салоник посетили два монастыря, в одном из которых хранятся мощи Анастасии Узорешительницы, а в конце пребывания в городе заехали в кафедральный собор, поклониться мощам св. Григоря Паламы. Тут нам напомнил о себе Господь. Отцы поначалу ре-

шили завернуть не в храм, а в резиденцию епископа, чтобы решить какие-то административные вопросы, мы же проследовали в церковь. После посещения сели в церковном садике дожидаться попутчиков, а церковь немного погодя закрыли. Чуть позже подоспели отцы, так и не решив своих вопросов. Подождали, пока позволяло время, да и потом ушли ни с чем, вместе со всеми, так и не допущенные до святыни.

Утром следующего дня отправляемся в администрацию провинции Македония для получения разрешения въезда на Афон. Удивительно, но русскому батюшке проникнуть на Святую землю нелегко. Так как монастыри Афона находятся в управлении Константинопольского Патриарха, то разрешение на их посещение может выдать только администрация Патриарха по ходатайству Московской Патриархии. Учитывая достаточно долгое прохождение официальных бумаг, а также непростые отношения Вселенского Патриарха и Москвы, путь этот становится почти нереальным для простого священнослужителя. Приходится выбирать два иных пути — либо при беседе

нии с чиновником из администрации изображать из себя светского человека, либо надеяться, что при проходе через таможду в порту Уранополиса при посадке на паром, отправляющийся к монастырям, не очень бдительные стражи порядка примут русского батюшку за греческого монаха — благо у тех никто не проверяет документы.

Здание администрации Македонии в Салониках при некоторой помпезности снаружи внутри напоминает обыкновенный советский райсовет доперестроечной эпохи — вечно ремонтирующиеся коридоры и обшарпанные двери. В комнате сидит сухонькая женщина неопределенного возраста, перед ней толстая регистрационная книга, на подставке множество резиновых штампов и печатей, на подоконниках — кадки с цветами, на стенах — глянцевые календари.

Женщина равнодушно смотрит паспорт, спрашивает через переводчика наши профессии, откуда приехали, так же равнодушно что-то записывает в книге. Пять минут — и все свободны.

Возражений нет. Однако саму визу — плотный лист бумаги с несколькими факсимиль-

ными подписями — необходимо будет получить в Уранополисе, небольшом городке, откуда и уходит на Афон раз в день паром. Путь по суше на полуостров фактически перекрыт, поэтому попасть на Святую гору можно только через море.

Паром отходит утром, огибает весь полуостров, заходит в каждый монастырь, расположенный у берега, и к вечеру возвращается обратно. Мы благополучно минуем контролеров на причале, всходим по трапу на палубу и наконец-то отправляемся в путь...

2. АФОН

Когда Святые Апостолы бросали в Иерусалиме жребий, кому в какую страну ехать для проповеди Слова Божьего, пожелала бросить жребий и Пресвятая Богородица. Ей выпал путь в Иверию. Но Ангел, явившийся Ей ночью, возвестил об иной участи. Между тем епископ острова Кипр пригласил Богородицу на свой остров. Присланный за ней корабль попал в бурю и чудесным образом оказался у берегов Афона. Тогда на полуострове жили язычники, а на горе Афон возвышалась статуя Аполлона.

Покидая остров, совершив множество чудес и обратив язычников в истинную веру, Богородица произнесла пророческие слова: «Сие место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына Моего. Благодать Божия да пребудет на месте сем и на пребывающих здесь с верою и сохраняющих заповеди Сына Моего. Потребное к житию будет дано им малым трудом в изобилии, жизнь небесная им уготовится и не оскудеет милость Сына Моего от часа сего и до скончания века. Я же буду Заступница мес-

ту сему и теплая о нем Ходатаица». Все это произошло в 40-е годы от Рождества Христова. С тех пор Святая гора и носит название Удела Божьей Матери...

Первый монастырь на Афоне — поныне существующая Великая Лавра — был основан преподобным Афанасием Афонским в 963 году. Количество монастырей на Афоне за многолетнюю историю то росло, то уменьшалось — Афон переживал времена расцвета и падения... В XII веке появляются на Афоне русские монахи, а также сербы и болгары.

Часто страдали монастыри от набегов пиратов — оттого они напоминают грозные, неприступные крепости, как бы высеченные из скал.

Тяжелое время переживал Афон во время турецкого владычества, и только в 1912 году после завершения Балканской войны Афон приобрел статус независимости — по решениям Лондонской мирной конференции 1912 года Афон стал самостоятельным государством под покровительством России...

Не всегда миновали беды Афон и в современное время — так, в ходе Второй Мировой войны возникла угроза бомбардировки полуострова немцами. Монахи в 1941 году обрати-

лись с письмом к... Гитлеру, который не посмел им отказать.

Сегодня монашеская республика живет по издавна сложившимся традициям. На Афоне действует 20 монастырей, число которых не подлежит увеличению. Общее количество монахов на сегодня — около двух тысяч человек. Из двадцати монастырей один (Святого Пантелеймона) — русский, один (Зограф) — болгарский, один (Хиландарский) — сербский, остальные — греческие. Еще на Афоне 1–2 скита и около 500 келий, все они находятся в строгой зависимости от монастырей. Монастыри подчиняются Вселенскому Патриарху, Он же и назначает игуменов монастырей. Все монахи — граждане Греции, независимо от того, из какой страны они прибыли... Все монастыри на Афоне общежительные, по-гречески такой монастырь называется «киновия». Все монахи равны между собой, все имущество монастыря — общее, монахи носят одинаковую одежду, не имеют собственности, вместе трапезничают и посещают богослужения. Игумен монастыря является единственным начальником у монахов, братия должна беспрекословно выполнять его указания...

Есть еще один обычай, который тщательно соблюдается на Афоне, — на его территорию запрещен доступ женщинам, впрочем, не только женщинам, но и животным женского пола. Правда, говорят, в годы гражданской войны в лесах полуострова прятались женщины и дети...

Наш паром неторопливо плывет вдоль скалистого, покрытого редким лесом берега. Отвесные неприступные скалы грозно нависают над морем, нет не только песчаных, но и каменистых пляжей.

Паром плавно огибает небольшой мыс — и вдали показывается первый монастырь — неожиданно, как сказочный средневековый замок. Все монастыри напоминают своим строением древние крепости — когда-то стены имели оборонное назначение. Со временем, однако, к ним делались многочисленные пристройки и надстройки, настолько разнообразные по архитектуре, что их нагромождение кажется на первый взгляд хаотичным и беспорядочным, но в целом это создает неповторимый колорит... В центре монастыря, за потерявшими былую мощь стенами, глядящими на море сделанными позднее разнокалиберными оконными проемами, находятся многочисленные по-

стройки и храмы, купола которых величественно возвышаются над прочими строениями.

Вот, наконец, и русский монастырь св. Пантелеймона — он легко отличим от других монастырей. Высоко взметнулись в небо изумрудно-зеленые луковки куполов белоснежных храмов, со сверкающими на солнце золотыми крестами. Внешне монастырь отличается от греческих, во-первых, довольно многочисленными постройками за крепостными стенами монастыря, а во-вторых, прямо на берегу возвышается здание большой монастырской гостиницы или, по-гречески, «фондарик».

Монастырь св. Пантелеймона.

Паром мягко подошел к причалу, еще минута — и вот мы уже на Святой Земле. По дорожке поднимаемся вверх, минуем небольшой садик, идем в гостиницу. Сначала пьем чай, листаем толстую книгу почетных гостей, потом предъявляем наши разрешения молодому монаху — он ведет по длинному и широкому коридору, указывая комнаты, в которых нам предстоит жить.

В гостинице идет ремонт. Реставрируются и надстраиваются верхние этажи, устанавливаются железобетонные перекрытия вместо деревянных — словом, жизнь кипит. Рабочие, в основном греки, уже с раннего утра хлопают дверьми, суетятся, громко кричат. Кое-где около куч строительного мусора — пустые пивные бутылки и окурки...

Вот уж действительно неисповедимы пути Господни! Кто-то едет издалека к Святыням, кто-то живет рядом с ними, и не факт, что заходит в церковь даже по праздникам... Во всяком случае, мало кого из рабочих я встречал в храме позднее...

Комната наша небольшая — метров десять. Стоят две кровати, тумбочка. Деревянные по-

лы окрашены желтой краской. В коридоре печь для обогрева двух комнат. На стенах иконы — Святой Троицы, Григорий Двоеслов, Богоматерь. Картина с изображением раки с мощами св. Сергия. Все без излишеств и очень по-русски. Вот только из высокого окна открывается чудесный вид на лазурное море...

По преданию русский монастырь создан на Афоне во времена Святого равноапостольного Владимира, после принятия христианства на Руси. Первая русская обитель была посвящена Пресвятой Богородице. Монастырь расширялся, и в 1169 году, получив во владение, переместился в обитель Святого Пантелеймона, принадлежавшую ранее грекам, но пришедшую со временем в запустение.

Многовековая история монастыря бесстрастно отмечает и радостные и горестные события...

О ранней истории монастыря известно мало — сильный пожар в XIII веке уничтожил все письменные документы.

Во времена монголо-татарского нашествия на Русь связи монастыря с отечеством ослабли, братия пополнялась в основном из греков. В отсутствии помощи и поддержки из России

монастырь, однако, имеет щедрых покровителей. Это, прежде всего, византийские императоры, а также сербские короли. В 1347 году сербский король Стефан Душан даровал обители священную реликвию — главу святого великомученика и целителя Пантелеймона.

В те времена сербский богослов Исайя был игуменом монастыря. В 1509 году сербская княгиня Ангелина, постригшаяся в монахини, обратилась с просьбой к великому князю Василию III взять под защиту русский монастырь. Так впервые русский царь стал официальным покровителем обители.

Помимо византийских, сербских и русских царей большую поддержку монастырю оказывали также валашские господа.

Длительное турецкое владычество оказалось разорительнее многочисленных пиратских набегов. Количество монахов таяло, обитель приходила в запустение, и помощь в 500 рублей, присланная Иваном Грозным, попросту не нашла получателя...

Очередной этап жизни монастыря наступил в конце XVIII века, когда епископом Хриstoffом обитель была перенесена на берег моря, туда, где ныне и располагается монастырь.

Современные постройки обители относятся к началу XIX века. Так, соборный восьмикупольный храм во имя великомученика св. Пантелеймона был заложен в 1812 году, а закончен в 1821-м. Все строительство обители в то время осуществлялось с помощью господаря Валахии Скарлата Каллимаха. Однажды, будучи тяжело болен, Каллимах пригласил игумена монастыря Савву и выздоровел, приложившись к мощам святого Пантелеймона. (Поддержка монастырю была настолько значительной, что одно время монастырь имел официальное название Каллимахидон.)

Все это время подавляющее число братии состояло из греков, сербов, болгар... Только в 1835 году вновь появляются в обители русские иноки. XIX век можно смело назвать периодом необычайного расцвета монастыря. Так, на начало XX века из десяти тысяч человек афонской общины более половины составляли русские монахи, причем только две тысячи из них проживали непосредственно в монастыре св. Пантелеймона.

Монастырь выдвинулся на ведущие позиции на Афоне, здесь была собственная типография, издавался журнал, широко велась благотворительная деятельность. У монастыря были подворья в Санкт-Петербурге, Одессе, Константинополе...

Тяжелые времена наступили после событий 1917 года. Отрезанный от России монастырь лишился не только многочисленных и щедрых жертвователей, но и монашеского пополнения — новые монахи вплоть до 1970 года являлись представителями только русского зарубежья.

Но Господу было угодно, чтобы монастырь сохранился — не гасли в храмах свечи, не смолкали в положенные часы молитвы...

Закончив размещение, отправляемся в трапезную монастыря. Трапезная — отдельное здание с высокой башней-колокольной, на которой установлены часы. Кстати, время на Афоне определяется совсем иначе, чем в Европе, и называется «византийским». Отсчет идет с заката солнца — в это время стрелку устанавливают на полночь — и так каждый день. По этому времени монахи и живут, хотя для нас этот режим несколько необычен, так

как разрыв с европейским временем достигает около четырех часов.

Но вернемся к трапезной. Стены и потолок огромного зала, вмещающего, наверное, около тысячи человек, великолепно расписаны по мотивам библейских сюжетов. Столы расположены рядами вдоль стен, игумен сидит во главе одного из столов — в центральном ряду. По его знаку все, помолясь, садятся. По его же знаку заканчивают еду, опять же молитвой. Во время трапезы чтец непрерывно читает Святое Писание.

Все столы накрываются одновременно, так что вся пища освящена. Пища одинаковая для всех, правда, светским паломникам накрывают отдельно.

Несмотря на то, что наше посещение Афона пришлось на Петровский пост, пищу скудной назвать было нельзя. В эти дни подавали овощной суп (гороховый, картофельный, свекольный) — большие кастрюли с половниками уже стояли на столе, вареную картошку в мундирах, овощной салат — помидоры и огурцы с оливковым маслом, репчатый лук, чай или компот, свежвыпеченный хлеб вдоволь, крупные и сочные маринованные оливки. По воскресеньям также полагается вино, которое разливают из больших алюминиевых

чайников, и рыба. Во вторник, четверг, субботу и воскресенье трапеза положена два раза в день — утром и вечером, в остальные дни — только один раз, в обед. Впрочем, для паломников может быть исключение: им накроют ужин, но уже не в трапезной, а в отдельном помещении рядом с кухней...

После трапезы нас встречает о. Филарет, пожилой, но очень подвижный монах с веселым прищуром умных голубых глаз, язвительный на язык, но довольно строгий и категоричный в суждениях. На Афоне он уже более двадцати лет, знает здесь все и всех — причем не только в русском монастыре. Он ведет нас из трапезной в храм св. Пантелеймона — это почти напротив. Тут же, в маленьком дворике расположен небольшой источник, по-гречески «фиал», — место для водосвятия. Чуть правее — ручное деревянное било на массивных железных подвесках. Эклисиарх — заведующий монастырским храмом ударами деревянного молотка подает сигнал к началу службы...

Заходим в храм. Над главным входом — изображение св. Пантелеймона, внутри храм очень русский, традиционный, а богато украшенный иконостас действительно изготовлен в России. Достояние монастыря — мощи свя-

тых. На Афоне каждый монастырь имеет такое их количество, что просто невозможно запомнить... О. Ф. выносит нам из алтаря главу св. Пантелеймона, частицы креста Господня, мощи трех святителей, Евангелиста Луки, Николая Чудотворца, а далее уж и не помню. По очереди подходим к мощам, прикладываемся с благоговением, отходим в сторону, уступая место другим...

*Протоиерей о. Виктор Грозовский,
игумен монастыря св. Пантелеймона
архимандрит Иеремия, автор очерка.*

Выходим на площадь и направляемся к высокому пятиэтажному зданию, увенчанному тремя куполами, поднимаемся по крутой, но широкой лестнице, минуем несколько подвесных галерей, с которых открывается удивительный вид сверху на весь монастырь, и попадаем в большой собор Александра Невского. Собор уникальный, как бы двухэтажный: наверху расположена балюстрада. Пол, в отличие от собора св. Пантелеймона, не мраморный, а дощатый, доски поскрипывают при ходьбе... Пахнет сухим деревом. О. Ф. благословляет зайти в алтарь, прикладываемся к мощам... В соборе находится уникальная икона св. Сергия. Рассказывают, писана на крышке гроба святителя.

Храмы по внутреннему убранству очень русские, однако там, как и во всех греческих храмах, есть стасидии — раздвижные кресла с высокими спинками. Раскладываются они таким образом, что во время службы можно сидеть, а можно, убрав сиденье, встать, облокотившись на широкие подлокотники. Стасидии стоят вдоль стен храмов в один ряд и являются принадлежностью почти каждого греческо-

го храма. Так что сидеть в храме во время службы не возбраняется.

Служба идет по традиции на греческом и русском языках. Длится она подолгу, иногда по десять и более часов, немудрено, что некоторые монахи засыпают. Поэтому во время всенощного бдения эклисиарх будит их, трогая за плечо.

После храмов отправляемся в усыпальницу. На Афоне хоронят без гроба. Почившего брата, обвитого мантией, предают земле. Особенно заботятся о сохранении головы — обкладывают ее камнями и сверху прикрывают плитой. Через три года могилу раскапывают, и если тело еще не истлело, то, значит, усопший вел неправедную жизнь. Тело вновь предается земле... За душу брата усиленно молятся. Если же тело истлело, то кости и череп покойного переносятся в усыпальницу, в склеп. Отдельно кладут кости и отдельно — на полки — черепа. Черепа расположены в определенном порядке, на каждом из них указывается имя монаха, дата смерти... Считается, чем желтее кость, тем праведней был покойник.

В склепе тишина, все почему-то разом читают нехитрую надпись на стене:

Помни, всякий брат,
Что мы были, как вы,
А вы будете, как мы...

Молча зажигаем свечи. Отцы служат литию...
Отчего-то легко, нет совсем чувства тяжести
или тревоги...

Перекрестившись, выходим на улицу.

Вот и закончен первый день на Афоне. Находясь у моря, не можем не искупаться. Оказалось, это дело не простое. «Купания» как таковые не приняты, пляжей как таковых нет, например, монахи если и купаются, то только в белых подрясниках.

От гостиницы необходимо отойти в сторону, по тропинке в лес, и только там, метров через двести, можно войти в воду...

В потемках добираемся до гостиницы. Успели вовремя — через минуту все погружается в непроглядную темноту — электричество работает только до определенного времени.

День окончен. Слава Богу за все!

Утро следующего дня начинается чуть слышным перезвоном в коридоре. Это монах ходит с колокольчиком и будит желающих идти на службу...

Встаем, умываемся, но все равно немного опаздываем... После трапезы нас ждет небольшой микроавтобус — отправляемся в путешествие по Святой Земле — сначала в Иверский монастырь.

Когда, наконец, все усаживаемся, водитель — чернобородый молодой монах — крестится, и мы трогаемся в путь.

Асфальтированных дорог на полуострове я не заметил. Хотя грунтовые находятся в довольно хорошем состоянии, впрочем, может быть и оттого, что по ним недостаточно активно ездят, тем более большегрузные машины.

Дорога то карабкается в гору, то проходит над краем широкого и глубокого ущелья, то с трудом пробивается в густом лесу, так что ветки деревьев немилосердно хлещут автобус по окнам и по крыше. Лес на Афоне достаточно плотный. Между деревьев растут кустарник, высокая трава и неведомые мне растения... Растительность вообще здесь достаточно разнообразна. Так, на территории монастыря растут и сосны, и пальмы...

Дорога стала чуть пошире, но когда миновали Карею — административный центр

Афона — она опять превратилась в чуть ли не лошадиную тропу...

Вдоволь напрыгавшись на узких сиденьях, помотавшись из стороны в сторону, наглотававшись пыли из открытых окон, наконец-то прибыли в Ивер.

Иверский монастырь более компактный, чем Пантелеймоновский. Правда, чуть более удален от моря. Вообще архитектура афонских монастырей своеобразна, но достаточно традиционна для всех. Каждый из монастырей, как уже мы и отмечали, является своеобразной крепостью, за стенами которой и размещаются постройки. Это — кельи монахов, вплотную примыкающие к стенам изнутри, различные склады, пекарни, мастерские... В центре же обычно строились соборный храм и трапезная.

Около монастыря, если он расположен недалеко от моря, обязательно сооружалась небольшая пристань — «арсана», куда пристает рейсовый паром и где находятся лодки монахов, занимающихся рыбной ловлей. Пантелеймоновский монастырь отличается от остальных достаточно большим количеством построек, храмов, а также огромной — как мы

уже говорили — по Афонским меркам отдельно стоящей гостиницей.

В Иверском монастыре.

Иверский монастырь был основан примерно в то же время, что и Пантелеймоновский, выходцами из современной Грузии (отсюда и название обители). Наиболее известен монастырь своей знаменитой чудотворной иконой Иверской Божьей Матери. Она хранится здесь и по сей день в отдельной часовне.

Во времена иконоборчества в Византии, около города Никеи жила вдова с сыном. Преследуемая со стороны представителей властей, она отнесла образ чудотворной иконы, находящейся в ее домашней церкви, на берег моря, и опустила на воду. По истечении некоторого времени сын ее сделался иноком и пребывал на Афоне, в Иверском монастыре. Однажды, уже после его смерти, монахи увидели в море высокий огненный столб над возвышающейся иконою Божьей Матери... Все попытки приблизиться к иконе оставались безуспешны. Но некоторое время спустя старцу Гавриилу явилась Богородица и известила о том, что эту икону послала она монахам в покровительство.

Икона была установлена в алтаре монастыря, но вскоре чудесным образом оказалась над его воротами. Монахи вернули икону в алтарь.

Наутро повторилось то же: икона опять отказалась над воротами монастыря.

После нескольких безуспешных попыток вернуть икону в алтарь, Богородица вновь явилась Гавриилу, сказав: «Я не желаю быть охраняема вами, а хочу быть вашею Хранительницею, не только в настоящей жизни, но и в будущей... Да уповают на милосердие Сына Моего и Владыки все иноки, которые в горе сей будут жить добродетельно, с Благословением и страхом Божьим. Я испросила у Него сей дар, и се вам знамение: доколе будете видеть икону Мою в обители сей, дотоле благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеет». Монахи воздвигли на этом месте часовню, где чудотворная икона находится и поныне. ·

В XIX веке, во времена долгого турецкого владычества, когда монастыри находились в тяжелом положении, а количество братии уменьшалось, Мать Божия явилась к старцам и пустынникам, повелев спокойно жить и молиться, покуда чудотворная икона будет в Иверском монастыре. «А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берет свою суму и грядет кто куда знает».

Рассказывают еще, что чудотворная икона, называемая также по месту расположения своего Вратарницею, часто не допускала в монастырь многогрешных, нераскаявшихся людей — некоторые из них падали замертво у порога обители.

С благоговением входим в храм. Святой образ заключен в древний, потемневший от времени серебряный оклад, ризы Богородицы мерцают тусклой позолотой, древний лик строг и даже суров. На образе Богородицы виден след — от удара мечом, который нанес один из пиратов по имени Варвар. На его изумленных глазах из раны стала сочиться кровь. Пораженный чудом разбойник раскаялся в своем проступке и уверовал, а впоследствии принял монашество...

В монастыре встречаем русского послушника. Он не молод — ему уже за сорок. Нам искренне рад, ведет нас показывать главный храм обители, провожает до ворот...

Мы идем к морю, где нас должен забрать катер. Вдоль берега, до небольшой часовни, где бьет источник, лежит хорошая, широкая дорога, рядом — ровный, редкий для Афона длин-

ный каменистый пляж. Беру несколько камешков на память. Смотрю на бирюзовую гладь моря, ровную, спокойную, сливающуюся на горизонте с таким же бирюзовым небом. Думаю о том, что на этом самом месте несколько столетий назад стояли отцы и видели огненный столб, подпирающий небеса...

Катер уверенно рассекает воды, мы огибаем восточную часть полуострова, наш путь лежит к последнему монастырю на этом берегу — Хиландарскому. Мимо в знойном мареве проплывают как бы колышущиеся очертания обителей — и вот наконец подходим к пристани.

Сам Хиландарский монастырь находится минутах в сорока ходьбы от моря. К монастырю ведет пыльная дорога. Сначала отправляемся пешком, потом, минутах в пяти у развилки встречаем монахов, ремонтирующих небольшой грузовичок. Здравуемся. Оказывается, монахи из Хиландара. Узнав, что мы русские, они искренне радуются, а еще через мгновение, мы, набившись в небольшой кузов и крепко вцепившись в лихо раскачивающиеся борта, бодро двинулись в

путь. Хиландар — монастырь сербский. Проживает 27 монахов. Иноки хорошо говорят по-русски, однако немногословны и как-то по особенному скорбны, как нам показалось. Переживают о положении на родине, усердно молятся о примирении. О политике не судят вообще, хотя не очень-то хорошо отзываются о своем президенте Милошевиче, который, побывав в обители, ни разу не перекрестился.

Нас ведут в «фондарик», что переводится также как «место для гостей». Длинные широкие коридоры, узкие скрипучие деревянные лестницы, оштукатуренные стены, на которых висят многочисленные портреты сербских правителей, генералов, изображения святых и пейзажи. Традиционная для Афонского монастыря встреча: приносят воду, маленькие рюмки с узо-анисовой водкой, лукум. Потом — чашка крепкого кофе. Пишем записки за здравие и за упокой, неспеша ведем беседу, отдыхаем в прохладной тишине. Потом спускаемся в храм.

Главная святыня Хиландара — чудотворная икона Божьей Матери Троеручица.

Иоанн Дамаскин в свое время был известен как стойкий борец с иконоборческой ересью.

*Любим калифом Иоанн:
Ему, что день, почет и ласка,
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.
Его поставил властелин
И суд судить, и править градом,
Он с ним беседует один,
Он с ним сидит в совете рядом...
И раздавался уж не раз
Его красноречивый глас
Противу ереси безумной...
Упорно с ней боролся он
И от Дамаска до Царьграда
Был, как боец за честь икон
И как художества ограда,
Давно известен и почтен...*

Это строки из поэмы А. Толстого «Иоанн Дамаскин». Противники св. Иоанна решили оклеветать святого, обвинив его перед правителем Дамаска в написании писем с призывом к политической измене. Разгневанный правитель велел отсечь святому руку и вывесить ее

на городской площади. Вечером, однако, правитель, вняв просьбам своих придворных, которые являлись друзьями святого, повелел вернуть ему отсеченную кисть. Всю ночь святой Иоанн, затворившись в своей келье и приставив кисть к отсеченному месту, истово молился перед образом Богородицы с Предвечным младенцем, молил ее об исцелении, просил защиты православия... и поражения иконоборства.

Явившаяся к св. Иоанну Богородица произнесла: «Вот, твоя рука теперь здорова. Не скорби более и исполни то, что обещал Мне в молитве твоей». Очнувшийся Иоанн увидел свою руку в целости, и только тонкая кровавая полоса напоминала ему о вчерашней трагедии...

Св. Иоанн изготовил из серебра кисть руки и приложил ее к иконе Заступницы. С той поры эта чудотворная икона именуется Троеручицей. Оставив светскую должность, св. Иоанн решил удалиться и, взяв с собой чудотворную икону, навсегда оставил Дамаск. Позднее чудотворная икона была дарована сербскому архиепископу Савве. Когда в Сербии настали смуты, икона была водружена на осла, а осел пу-

щен без людского присмотра на все четыре стороны. Однако Господу угодно было, чтобы осел дошел до Афонской земли и встал недалеко от стен Хиландарской обители, где и был обнаружен монахами...

Лик Богородицы строг, но сострадателен. За тусклым стеклом на окладе заметны многочисленные дары тех, кто исцелился у чудотворной иконы и чьи прошения были исполнены, — золотые крестики, монеты, медальоны с изображением частей тела...

Кстати, этот распространенный в греческих храмах обычай — подвешивать медальоны с изображением частей тела — наверняка связан с историей этой чудотворной иконы...

Тепло простившись с монахами, залезаем в кузов грузовичка и опять трясемся по извилистой и узкой дороге, по которой, пожалуй, может пробираться только такая небольшая и юркая машина. Спускаемся к морю, минуем широкую долину с ровными рядами молодого виноградника, и вот наконец уже видны строгие стены Есфигмена...

Пожалуй, из всех монастырей архитектурный облик этого монастыря самый правильный и строгий, без затейливых излишеств и

поздних хаотичных пристроек. На зубчатой башне развеваются три флага — государственный греческий, византийский — черный орел на желтом фоне — и черный...

Монастырь Есфигмен.

Дело в том, что монастырь Есфигмен не подчиняется даже и Вселенскому Патриарху, здесь его не поминают в молитвах — считают отступником от канонов Православия. Монахи называют себя зилотами, а черный стяг — знак верности Православию и непримиримости к врагам и отступникам. Девиз монахов:

«Православие или смерть!» Для нас особенно важно, что именно в этом монастыре жил первый русский монах на Афоне, основатель Киево-Печерской Лавры преподобный Антоний. Попав на Афон в юности, преподобный Антоний принял на Святой Горе постриг, и уже по прошествии нескольких лет по благословению игумена монастыря вернулся на Родину, нести Слово Божие.

До конца своих дней преподобный молился о том, чтобы осталось благословение Святой Девы и отцов Святой Горы во всех делах его и братии... Очевидно, что в этот же период времени пришло на Русь многое из устоявшегося ныне порядка богослужения.

Пещера преподобного Антония находится на высокой скале, нависшей над морем. К ней ведет извилистая, крутая тропинка, идя по которой приходится иногда прямо-таки продирааться через жесткий кустарник. Неподалеку от пещеры стоит часовня, купол которой виден издалека. Двери в ней не заперты, на стенах — образа Антония, Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Александра Невского, других русских святых. Облагоро-

жен только вход в пещеру — сама же она сохранила тот вид, когда там жил основатель русского монашества.

Вход в скит св. Антония Печерского.

Не удерживаюсь и отламываю аккуратно кусочек влажного известняка...

Перед входом в пещеру — небольшая площадка, с которой открывается великолепный вид на неприступный Есфигмен, не спускающий своих знамен.

А у пристани уже стоит наш катер. Пора снова в путь...

Минут через двадцать причаливаем к пристани Ватопедского монастыря. Один из самых древних, занимающий второе место в иерархии Афонских монастырей после Великой Лавры, Ватопед славился ученостью своих монахов. Именно в этих стенах действовала знаменитая Афонская школа, давшая множество известных богословов. Но не только этим известен монастырь. Прежде всего, это многочисленные святые реликвии, среди которых одна из самих почитаемых — пояс Божьей Матери. В соборном храме Благовещения Божией Матери — одном из старейших на Афоне, построенном еще в начале XI века — пояс торжественно выносят из алтаря. Мы все по очереди приложились к святыне.

Здесь же, в соборном храме, в отдельном помещении находится одна из главных святынь монастыря — икона Отрада и Утешение. По преданию, в 807 году шайка пиратов незаметно под покровом ночной темноты спряталась в лесу близ монастыря, рассчитывая утром, когда откроются монастырские ворота, напасть на богатый тогда монастырь, застигнув всех врасплох.

Ничего не ведающие монахи спокойно после утрени разошлись отдыхать в свои кельи, и лишь оставшийся на молитву игумен внезапно услышал голос от иконы Богородицы: «Не отверзайте врат обители, но взойдите на стены монастырские и разгоните разбойников». Тут же слышит игумен слова младенца Христа: «Нет, Мать Моя, не говори им этого, пусть понесут они наказание...» Однако еще дважды повторила слова предостережения Богородица. На глазах у изумленного игумена чудесно изменилась и сама икона: Иисус младенец протянул руку к устам Богоматери, как бы закрывая их, но Богородица, поцеловав Его длань, успевает отвести ее, чтобы вновь произнести слова предостережения. Лик младенца Христа

суров и беспощаден, лик Богородицы, напротив, добр и сострадателен, по доброму предостерегает она монахов...

Разбойникам в тот раз не удалось застать монастырь врасплох, а в знак благодарности Заступнице перед иконой горит и поныне неугасимая лампада. С той поры пострижение в монахи в Ватопедском монастыре проходит именно в этом приделе храма...

Еще одна из нескольких чудотворных святынь Ватопеда напрямую связана со сложившейся традицией отсутствия на территории Святой Горы женщин.

Дочь императора Феодосия Великого Плакидия в 382 году решила совершить путешествие на Святую Гору, чтобы поклониться чудотворной иконе Божией Матери, хранящейся в Ватопедском монастыре. Узнав об этом желании, встретившие ее иноки испугались, однако не стали возражать, несмотря на действующий в уставе запрет. Входя же в соборный храм, Плакидия была остановлена грозным голосом Богоматери: «Здесь иноки, а ты жена... для чего же ты даешь врагу случай ратовать их пре-

ступными помыслами? Остановись, если ты хочешь себе добра».

Плакидия стала просить о помиловании, а в знак этого события построила придельный храм св. Димитрия Солунского, и на том месте, где услышала голос Богородицы, велела изобразить икону Богоматери, где та находится и поныне, называясь Живопрятною или Предвозвестительною...

Вечером возвращаемся домой, в Пантелеймоновский, а утром после завершения службы и трапезы идем к отцу Макарию — духовнику монастыря. У о. Виктора есть какие-то поручения. Там же встречаем архимандрита Иремию — игумена монастыря. В простой шапочке, без клобука, он кажется не таким величественным, как на службе или в трапезной, но не может не поражать глубокий, спокойный, умиротворенный взгляд его глаз, добрая и мудрая улыбка. Получаем благословение и просим сфотографироваться на память. Отцы не возражают, дарят нам на память фотографии монастыря, иконы, памятные открытки...

А нас уже ждет у причала вчерашний катер. Теперь едем вдоль западного побережья — на-

чинаем с самого дальнего на Севере — монастыря св. Павла. Он расположен в горах, на высоте около двухсот метров, в полудне ходьбы от моря. Рядом с монастырем вдоль дороги — террасы с огородами и теплицами и виноградники...

Дорога достаточно крутая, и наша процессия растянулась довольно значительно. Перед входом в монастырь — беседка. Немного посидев, входим в монастырские ворота.

Сначала — традиционная встреча в фондарики. Выхожу проветриться на деревянный скрипучий балкон, который прямо-таки висит в воздухе над густо-зелеными стройными кипарисами: Надо мной — жаркое, голубое небо, вдалеке сверкает темно-бирюзовое море, и, кажется, ты один в этом благостном мире...

В соборном храме Сретения Господня нас встретил русский послушник, живущий в монастыре св. Павла второй год и по каким-то причинам не взятый в русскую обитель.

Из его рассказа мы узнали о том, что монастырь этот ранее был сербским, но по мере убывания братии отошел к грекам, что возрождение монастыря из упадка, нанесенного в

свое время турками, стало возможно благодаря щедрой поддержке русских царей — Александра I и Николая I...

Как обычно, для поклонения вынесли святые мощи, среди которых находилась и главная святыня монастыря...

Когда волхвы, по заданию Ирода, появились в Вифлееме, то «... войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему, и открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 11).

Частицы этих даров и поныне хранятся в монастыре, а в отдельные праздники, например на Рождество, их торжественно обносят несколько раз вокруг храма.

Русский послушник вызвался нас проводить и долго стоял на пристани, глядя нам вслед... А немного погодя мы уже приблизились к Дионисиату, величественно возвышающемуся над морем и кажущемуся высеченным из скалы, служащей ему основанием... Этот сравнительно молодой монастырь был основан в середине XIV века.

Немного отдыхаем и длинной галереей направляемся в соборный храм Рождения Иоан-

на Предтечи. На стенах — фрески, изображающие различные страницы из жизни человечества — войны, взятие крепостей, пожары, кораблекрушения, лики святых...

В конце монах обращает наше внимание на изображение огромного взрыва — говорят, это предвидение чернобыльской катастрофы. Фрескам чуть более двухсот лет, но ничего невероятного нет, ибо действительно все, что делал человек в этой жизни, называя это прогрессом и облегчая себе существование, как ему казалось, только удаляло его от Бога и Природы, а стало быть, было постоянно во вред.

Главная святыня Дионисиата — десница Иоанна Крестителя. Чтобы поклониться мощам, проходим в алтарь...

Опять проплывают вдоль борта скалистые берега... Еще минут пятнадцать, и перед нами следующий монастырь, Григориат. Основан монастырь святым Григорием Синаитом и ранее был посвящен св. Николаю. Чудотворная икона святого Николая и поныне одна из самых главных святынь монастыря...

Монастырь Григорият.

В Григориате произошла небольшая незадача: никак было не отыскать монаха, отвечающего за хранение мощей — служба закончилась и все иноки разошлись по кельям. Подождав немного, мы собрались уж было уходить, когда кто-то из наших отцов предложил перед уходом пропеть акафист святителю. Только произнесены были последние слова, как свершилось маленькое чудо — монах появился в храме, будто нас только и искал... На прощанье он подарил нам несколько книг на

русском языке — молитвослов, евангелие и другие духовные произведения. Оказывается, все эти книги издаются в Греции, в типографии монастыря святого Параклита, где мне потом, будучи в Афинах, придется побывать.

Следующая наша остановка — пристань Дафни. Здесь расположены таможня, полицейский участок, таверна. Все это размещается в двух зданиях. На наше удивление, официанты и хозяин таверны прекрасно говорят по-русски. Оказалось, что это греки, жившие у нас в Узбекистане...

Путь наш лежит дальше. Мы проплываем ставший уже родным Пантелеймоновский монастырь, ненадолго входим в Ксенофонт и уже под вечер попадаем, наконец, в Дохиарский монастырь. Название свое монастырь получил от должности одного из своих основателей — монаха Ефтимия, ключника монастыря Великой Лавры. Дохиар в переводе с греческого — ключник.

Входим в монастырь через ворота, расположенные в высокой каменной башне. Около входа с двух сторон — большие, в человече-

ский рост фрески с изображением архангелов Михаила и Гавриила. Архангелам посвящен и соборный храм монастыря. В храме поспеваем к окончанию службы, специально для нас выносят широкую скамью, покрывают ее покрывалом и торжественно выносят мощи святителей...

Однако главная святыня храма икона Божией Матери Скоропослушница. Ранее эта икона находилась над входом в трапезную монастыря. Трапезарь монастыря по имени Нил, естественно, чаще других проходил под иконою, а в темное время суток, ранним утром или поздним вечером, непременно с лучиною... Однажды, в 1664 году, Нил услышал голос, будто бы от иконы: «На будущее время не приближайся ко Мне и не копти Моего образа». Нил не обратил внимания на эти слова, посчитав это шуткою братии, продолжая и потом ходить мимо иконы с зажженной лучиною. Немного погодя Нил вновь услышал голос: «Монах, недостойный этого имени! Долго ли тебе так беспечно и так безстыдно коптить Мой образ?» Услышав эти слова, Нил ослеп.

Несколько дней он стоял на коленях перед образом и, признавая свой грех, просил Богородицу о прощении. Мать Божия смилостивилась над Нилом, и однажды он услышал Ее слова: «Нил! Услышана твоя молитва — ты прощен и зрение опять дается тебе. Когда получишь эту милость от Меня, возвести братии, что Я их покров, промышление и защита обители. Пусть и все православные обращаются ко Мне в нуждах, и Я не оставляю никого не услышанным. Всем, с благоговением ко Мне прибегающим, буду предстательство, и молитвы всех будут исполняемы Сыном и Богом Моим ради Моего ходатайства перед Ним. Отныне сия Моя икона будет именоваться «Скоропослушница», потому что скорую всем притекающим к ней буду являть милость и скоро внимать их прошениям». Позднее братия огородила место, где находилась икона, так, что получилось что-то вроде часовни, а немного погодя рядом был устроен храм во имя Пресвятой Богородицы Скоропослушницы.

Ранним утром следующего дня покидаем русскую обитель. В Уранополис возвращаемся не на

пароме, а на взятой в аренду небольшой моторной лодке. Предварительно заезжаем в Дафни на таможенный контроль, который, впрочем, осуществляется очень формально: полусонный грек-таможенник только просит приоткрыть наши сумки, даже не заглядывая в них...

Мотор взревел, и лодка набирает ход. В лучах восходящего солнца тает утренний туман, в котором все отчетливей проступает Берег святой Земли с возвышающимися монастырями...

Прощай, святой Афон, а может быть — до встречи. Как Бог даст.

Лодку качает встречная волна, снопы соленых брызг долетают до нас, а сзади белоснежно пенится вода...

Пресвятая Богородица, моли Бога о нас!

3. АФИНЫ

Как это ни удивительно, но Афины, в отличие от многих европейских столиц, практически не имеют собственного, неповторимого облика. Если исключить хрестоматийный Акрополь, возвышающийся над городом, да еще несколько административных зданий середины XIX века, выстроенных в стиле классицизма, город представляет собой нагромождение стандартных железобетонных коробок...

Огромный, впечатляющий размерами храм святителя Пантелеимона. Встречаемся здесь с настоятелем — о. Прокопием, давним знакомым о. Виктора. Архимандрит некоторое время жил в Санкт-Петербурге, учился в Духовной Академии...

В греческих храмах есть свои особенности — во-первых, в течение службы разрешается сидеть, поэтому собор заставлен рядами кресел, во-вторых, в храме ничем не торгуют, кроме свечей, причем свечи есть разного размера — от обыкновенных до толстых, длинную с метр. Для них существуют у икон отдельные подставки.

Вся торговля иконами, крестиками и т. д., как правило, идет в небольших магазинах. В Афинах несколько кварталов таких магазинов. О. Прокопий пригласил нас поужинать вместе, но пока занят — разговаривает с молодым парнем и что-то записывает в толстый журнал. В Греции церковь не отделена от государства, и все браки, рождения и смерти регистрируются в храмах. Поэтому, например, для бракосочетания надо не только договориться с батюшкой, но и представить ему целый ряд документов, включая публикацию о предстоящем венчании в газете.

В последнее время в Греции увеличивается количество эмигрантов из России и стран бывшего Советского Союза. Специально для русских в одном из помещений храма ведется служба на церковнославянском языке...

За ужином пьем легкое афонское вино — распространенный здесь сорт, отцы вспоминают о далеком Санкт-Петербурге, об общих знакомых. О. Прокопий улыбается, предаваясь воспоминаниям, взгляд у него добрый, теплый, с едва заметной хитрой смешинкой...

На следующий день вместе едем в монастырь Параклита — минут сорок езды от Афин. Монастырь основан сравнительно недавно, постройки десяти-пятнадцатилетней давности, но полностью копируют стиль Афонских обителей... Монастырь и живет по афонскому уставу, отсюда совсем недавно группа монахов уехала жить на Святую гору... Рядом с монастырем — виноградники, апельсиновые и масличные рощи, монахи активно занимаются хозяйством, ведут новое строительство, но основной доход монастырь получает от издательской деятельности. Довольно большой объем книг издается и на русском языке — Святое Писание, жития святых, прочая духовная литература — всего более ста наименований. Тут же на стенде в библиотеке — изданная здесь Библия на чувашском, якутском языках. Уезжаем, одаренные книгами...

Утром следующего дня отправляемся к еще одной святыне — храму Иоанна Русского, где хранятся мощи святого. От Афин ехать километров двести по горной, извилистой дороге.

Впервые об этом святом я узнал совершенно случайно, за несколько лет до поездки в Гре-

цию. Перелистывая старые альманахи, наткнулся на атеистическую статью из серии «Православные святые — кто они?» Автор удивлялся по поводу недавней канонизации Православной церковью двух святых — Германа Аляскинского и Иоанна Русского, причем, если первый святитель «прощался» автором за активную общественно-просветительскую работу, то по поводу Иоанна Русского отметить было нечего, кроме как «рабоче-крестьянское» происхождение святого...

Сколько лет сокрыт был от нас богатый духовно-нравственный мир Православной церкви, а значит, мы были лишены не только веры, но и правдивой истории, истинной культуры, а следовательно — цельного восприятия мира...

Восполнится ли это? Ведь дело здесь не только в восстановлении храмов, которые возводятся нынче с таким же пугающим энтузиазмом, как ранее разрушались... Не только в знании обрядов и обычаев, не только в регулярном посещении служб... Вернет ли нам Господь Веру? Укрепит ли нас в молитве? Дарует ли благоговейный трепет литургии? Хватит ли сил у нас стяжать благодать Духа Святого?

Несмотря на официально признанной нынче положение Православной церкви, на модную привычку освящать дома, квартиры, предприятия, кажется, не Вера еще живет в душах русских, а некое материалистическое стремление к некоему Высшему Смыслу и Справедливости... Не послушание — а покорность, равнодушие, не благодать, а самоуспокоенность и довольство... Да и не в силах человек оторваться от земного, и обречен в попытке осмыслить Божественное и небесное в человеческом, земном измерении...

Едем к Иоанну Русскому. Повороты горной дороги часты и круты, наш водитель выключает кондиционер, чтобы лучше работали тормоза, мы открываем окно, в салон врывается жаркий ветер.

Почему именно в этом далеком небольшом поселке, куда мы держим путь, покоятся мощи святого, глубоко чтимого Русской, а особенно Греческой православной церковью?

Св. Иоанн родился примерно в 1660 году. В период русско-турецкой войны 1711—1718 годов был простым солдатом, а в битве за освобождение Азова попал в плен и был вместе с другими

узниками направлен в Константинополь. Оттуда попадает в Малую Азию в Кессарию, в г. Прокопион. Вплоть до своей кончины в 1730 году святой пребывает в рабстве у турок, у некоего Аги. Терпя ненависть и издевательства, побои и оскорбления, св. Иоанн выдерживает все испытания с достоинством, не оставляет молитвы, постится, сам совершает службы.

На все попытки обратить его в магометанство, св. Иоанн отвечал: «Я верю и имею любовь к Господу моему Иисусу Христу Единородному Сыну Божьему, и ничто не может меня заставить отворотиться от Бога. Я пленный. Поэтому слушаюсь приказаний хозяев относительно моей работы. Но в вере в Спасителя Христа вы мне не хозяева. Я готов умереть, но не отказаться от Христа». Жизнью своей Иоанн удивил турок, и они называли его «вели», что означает святой...

Через три года после смерти св. Иоанна одному священнику святой явился во сне, сказав, что тело его осталось нетленным. Сомнения в истинности явления развеялись тогда, когда было дано знамение в виде огненного столпа над могилой святого. Вскрыв могилу, верующие хри-

стиане нашли тело святого нетленным и благоухающим. Святые мощи были перенесены в храм, где и хранились почти двести лет.

Много чудес было совершено у раки с мощами святого. Больные исцелялись, слепые прозревали, потерявшим надежду дарована была Благодать... Чудесами прославил святого Иоанна Господь на земле за непоколебимое стояние в Вере.

Много испытаний выпало на долю христианского населения Прокопиона. Во время гражданской войны в 1922 году греки вынуждены были покинуть Малую Азию, где прожили более полутора тысяч лет... Вместе с нехитрым скарбом переселенцы перевозят с собой мощи святого. Выбрав в 1925 году новое место для проживания, беженцы основывают поселок Новый Прокопион, а в 1930 году закладывают храм, где и поныне хранятся мощи св. Иоанна Русского.

Архитектура собора не совсем типична для греческих храмов — нет привычных широких византийских куполов, вместо них — обыкновенная ломанная черепичная крыша, один купол в виде правильного многогранника, две прямоугольные колокольни с развешивающимися

греческими флагами. Перед входом — небольшой навес, где висят рубашки с длинным рукавом и косынки — вид у входящих туристов, приехавших посетить святыню, должен соответствовать канонам.

У храма св. Иоанна Русского.

Единственный храм, который я увидел в Греции с торговым киоском, расположенном, правда, в притворе, — повсюду иконы с изображением святого, книги, открытки, святая вода и масло в сувенирных коробочках, с изображением образа св. Иоанна и храма, с вложенной туда веревочкой, длина которой равняется росту святого.

Сразу при входе непосредственно в храм стоит рака с мощами святого. Сотни тысяч человек ежегодно посещают это место, многочисленны свидетельства о новых чудесах святого...

Чудны дела Твои, Господи. Не за мужество в бою и победы вознес Ты простого русского солдата Ивана — за Веру и Любовь к Тебе, побеждающие силу любого оружия материального мира.

Словно в назидание бестолковому и суетливому человечеству, решающему земные споры на полях сражений, словно в напоминание о ничтожных ценностях материального мира...

Далеко от родины, снежной и сложной России, покоятся мощи святого... Моли Бога о нас, Святой Иоанн!

СОДЕРЖАНИЕ

Спасительное творчество. *Протоиерей Виктор Грозовский* 4

I. ЗВЕЗДЫ ДАЛЕКОЙ СВЕТА 7

«Морозы грянули. Крещение...» 8

«Кружась во всемирном потоке...» 9

«Молюсь исправно Богу. Но...» 10

«Так повелось уж на Руси...» 11

«Не зная, что будет наверно...» 14

«И снова март. И снова слякоть...» 15

«Мгновеньем надо дорожить...» 17

«Не понять нам теперь, все одно...» 18

«Он шел толпе наперекор...» 19

«В рыбах есть что-то змеиное...» 20

«Всё учились на чужих примерах...» 21

«Зачем летали на Луну...» 22

«Когда-нибудь настанет час...» 23

«Жизнь — работа. И перечень дел...» 25

«Гордились долго — чудь и воль...» 26

«Друг мой, а что же делать мне...» 27

«Живя в эпоху перемен...» 28

«Долгий год. Тяжелые утраты...» 30

«Мы хороших не ждем новостей...» 31

«В церковь ходим и крестим лбы...» 33

«Словно из болотного тумана...» 34

«Вокруг такая суета...» 35

«И снова ваш спор о судьбе...» 36

«Опутано ложью полмира...» 37

«Давно уж ни во что не веря...»	39
Старая Ладога	40
«Вновь вернулись в первобытный век...»	42
Свеча	43
«Весной обычно спится плохо...»	44
«В суете уходящего века...»	46
«К комфорту привыкла Европа...»	47
«Свадьбы. Дни рождения. Крестины...»	48
«В такие дни не хочется писать...»	51
«Под утро — снег. Застыли лужи...»	52
«Не включай телевизор, не надо...»	53
«Предвижу скорую разлуку...»	54
В старой королевской обсерватории	55
«Жить хотелось бы получше...»	56
«Не ощущаем, как когда-то...»	57
Духов день	58
Ангел-хранитель	59
Зима	61
«От Волхова до Иртыша...»	62
«А в Лондоне под Рождество...»	63
«В Лондоне, конечно, жить неплохо...»	64
«Эпоха грядущего хама...»	66
«Компьютеры, ксероксы, факсы...»	67
II. ПОЗАБЫТЫЙ ПОГОСТ	68
Китеж-град	69
Раздумья в степи	71
Дорога через кладбище	74
«Дымится мгла морозного тумана...»	75
«Посев взойдет на вспаханной земле...»	77

«Время пришло собирать камни...»	78
«Остывает родная земля...»	79
«Страдай, страдай, душа моя...»	81
«Ты ждал наступленья зимы...»	82
«А все-таки спеши, спеши...»	83
Лесное озеро	84
«В ночь перед Рождеством...»	85
В храме Федора Стратилата	86
«Над храмом Бориса и Глеба...»	88
«Как много слов мы говорим подчас...»	91
«Места для боли в душе не осталось...»	92
«Не дай-то Бог случится...»	93
«Позабытый погост...»	94

III. ПОД ПОКРОВОМ ИГУМЕНИИ ГОРЫ АФОНСКОЙ *(Очерк)* 96

Афон <i>(стихотворение)</i>	97
1. Солунь	99
2. Афон	106
3. Афины	148

Лицензия П 2322 от 07.02.1997 г.

Журнал «Русский Джокер»
принимает заказы
на все виды полиграфической продукции
по самым умеренным расценкам
т. (812) 322-29-93.

Типография издательства «Русский Джокер».
Формат А-5. 160 с. Гарнитура «Lazursky».
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Санкт-Петербург, 2003 г.

